

ИУДА

Конечно, мы сказали об Иуде то, чего никто до нас не знал, а если и знал, то не осмеливался высказать, а если и высказывал, то все сказанное было похоронено и сожжено, — таково было Божие предопределение. Но первые ли мы, кто пытается Иуду хоть как-то оправдать, хоть что-то сказать в его защиту? Конечно нет!

Во многих таких попытках превалируют эмоции, хотя и в определенной логике им не откажешь. Например, Максимилиан Волошин (1877–1932) пересказывал такую легенду об одном из аббатов Парижского собора Нотр-Дам. «Если есть на земле хотя бы человек, — рассуждал аббат, — который может быть осужден на вечные муки, то это обязательно Иуда-предатель». Тут аббату внезапно пришла такая мысль: «Если один Иуда осужден на вечные муки, то тогда получается, что Иуда и есть тот, кто принял на себя грехи мира». И вот однажды, молясь в соборе, аббат сотворил такую молитву: «Я верю, Господи... Я хочу верить, что Иуда вернейший ученик Твой, и что он пребывает теперь в Царстве Небесном одесную Тебя. Но я маловерен, Господи! Дай мне знак, что это так». И тут он почувствовал, как на плечо его легла тонкая, горячая рука, в которой он узнал руку Иуды...

2

Одну из лучших, как нам кажется, попыток оправдания Иуды предпринял аргентинский поэт и писатель Хорхе Луис Борхес (1899–1986), хотя мысли, им высказанные, показались даже ему самому настолько смелыми, что он не рискнул высказать их от первого лица, что, в общем-то, было бы вполне допустимым приемом в художественном произведении, — Борхес приписал свои мысли некоему вымышленному богослову из весьма и весьма далекой от родины Борхеса страны.

Приведем мысли, высказанные Борхесом. При этом выделим то, что высказывали и мы или с чем мы готовы без особых оговорок согласиться. Вкладывая свои мысли в уста другого человека, Борхес

начинает с убедительной мысли о том, что поступок Иуды был излишним. Он... указывает, что для опознания Учителя, который ежедневно проповедовал в синагоге и совершал чудеса при огромном стечении народа, не требовалось предательства кого-либо из Апостолов. Однако оно совершилось. Предполагать в Писании ошибку недопустимо; не менее недопустимо допустить случайный эпизод в самом знаменательном событии истории человечества. Следовательно, предательство Иуды не было случайным; оно было деянием предопределенным, занимающим свое таинственное место в деле искупления... Слово, воплотившись, перешло из вездесущности в ограниченное пространство, из вечности — в историю, из безграничного блаженства — в состояние изменчивости и смерти; было необходимо, чтобы в ответ на подобную жертву некий человек, представляющий всех людей, совершил равноценную жертву. Этим человеком и был Иуда Искарот. Иуда, единственный из Апостолов, угадал тайную божественность и ужасную цель Иисуса. Слово опустилось до смертного; Иуда, ученик Слова, мог опуститься до предателя (самого гнусного преступления, какое ведомо подлости) и до обитателя геенны огненной. Миропорядок внизу — зеркало миропорядка горнего; земные формы соответствуют формам небесным; пятна на коже — карта нетленных созвездий; Иуда, неким таинственным образом, — отражение Иисуса. Отсюда тридцать сребреников и поцелуй, отсюда добровольная смерть, чтобы еще верней заслужить проклятие.

Остановимся здесь для краткого комментария. Многое из сказанного Борхесом находится в соответствии с нашими взглядами. Ну как можно спорить с тем, что предательство Иуды было делом пред-

определенным? Мы снимаем шляпу перед заключением, что Иуда оказался единственным из Апостолов, познавшим тайну крестной смерти Иисуса. Действительно, для него соблазн креста был преодолен. Мы просто-таки аплодируем Борхесу за мысль, что предательство Иуды занимает таинственное место в деле искупления.

Однако остальное не столь гладко. Причем с некоторыми положениями все-таки можно согласиться с некоторыми оговорками. Например, с тем, что при буквальном понимании предательства трудно, даже невозможно, объяснить необходимость опознания Того, Кто каждодневно проповедовал при большом стечении народа. А если и не так, то все равно внешность Иисуса знали и могли Его опознать многие — предательства кого-то из Апостолов вовсе не требовалось. Но это — по букве. А что же дальше? Дальнейшее остается недосказанным. Ведь ответа в рассуждениях Борхеса так и не видно. Обойдя этот вопрос кругом, он пошел дальше. Читателю остается недоумевать: Что же, в опознании не было вообще никакого смысла? Или он все-таки был, но сокрыт за непознаваемостью путей Божия предопределения? Поэтому то, каков смысл опознания Иисуса, и почему именно близким Ему учеником, предстояло досказать нам. Как бы то ни было мы должны отдать должное аргентинцу за то, что он обращает внимание на буквальную абсурдность потребности в предательстве. В конце концов, обнаружив странность по букве, легче всего искать духовный смысл.

Но в рассуждениях Борхеса есть и положения, которые для нас невозможно принять. Ведь даже вполне согласившись с идеей, что миропорядок внизу — зеркало миропорядка горнего, а вернее, именно из-за этого, нельзя принять мысль о необходимости человеку опускаться. Наоборот, уничижение чего-то божественного в зеркальности своего отражения требует возвышения человеческого. Лишь возвышение, а никак не сошествие в геенну — спасение и благословение, а никак не проклятие.

Борхесу, по-видимому, было нетрудно признать несовершенство приведенных рассуждений, тем более, что он высказывает их как бы от третьего лица. Поэтому он приводит далее вторую версию предательства Иуды, начиная рассуждения с того, что

Иисус, располагавший необозримыми средствами, которые дает Всемогущество, не нуждался в одном человеке для спасения всех людей. Затем... [Борхес] опроверг тех, кто утверждал, что мы ничего не знаем о загадочном предателе; мы знаем, говорил он, что он был одним из Апостолов, одним из избранных возвещать Царство Небесное, исцелять больных, очищать прокаженных, воскрешать из мертвых и изгонять бесов. Муж, столь отмеченный Спасителем, заслуживает того, чтобы мы толковали его поведение не столь дурно. Приписывать его поведение алчности (как делали некоторые, ссылаясь на Евангелие от Иоанна 12:6) означает примириться с самым низменным стимулом. [Борхес] предлагает противоположный стимул: гипертрофированный, почти безграничный аскетизм. Аскет, ради вящей славы Божией, оскверняет и умерщвляет плоть; Иуда сделал то же со своим духом. Он отрекся от чести, от добра, от покоя, от Царства Небесного, как другие, менее героические отрекаются от наслаждения. С потрясающей ясностью он заранее продумал свои грехи. В прелюбодеянии обычно участвуют нежность и самоотверженность; в убийстве — храбрость; в профанациях и кощунстве — некий сатанинский пыл. Иуда же избрал грехи, не просветленные ни единой добродетелью: злоупотребление доверием (Ин 12:6) и донос. В его поступках было грандиозное смирение, он считал себя недостойным быть добрым. Павел писал: «Хвляющийся хвалится Господом» (1 Кор 1:31); Иуда искал ада, ибо ему было довольно того, что Господь блажен. Он полагал, что блаженство, как и добро, — это атрибут божества и люди не вправе присваивать его себе.

Еще и далее развивая и модифицируя эти мысли, в третьей версии предательства автор приходит к таким заключениям:

Бог снизошел до того, чтобы стать человеком ради спасения рода человеческого; следует полагать, что содеянная им жертва была само совершенство, не запятнанное и не ослабленное какими-либо изъянами. Ограничивать Его страдания агонией на кресте в течение одного

вечера — кощунственно [!]. Утверждение, что Он был человеком и был не способен согрешить, содержит в себе противоречие: атрибуты непогрешимость и человечность несовместимы. Спаситель мог испытывать усталость, холод, волнение, голод и жажду; следует также допустить, что Он мог согрешить и погубить свою душу [?]. Знаменитое место: «Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия... Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни» (Ис 53:2–3) — это для многих предсказание о распятом в час его гибели; для некоторых — отрицание в облике Христа красоты, обычно приписываемой ему в народном предании; для... [Борхеса] же — точное пророчество не одного мига, но всего ужасного будущего для воплотившегося Слова во времени и в вечности. Бог стал человеком полностью, но стал человеческом вплоть до низости, человеком вплоть до мерзости и бездны. Чтобы спасти нас, он мог избрать [?] любую судьбу из тех, что плетут сложную сеть истории; Он мог стать Александром, или Пифагором, или Рюриком, или Иисусом; Он избрал самую презренную судьбу: он стал Иудой.

Мы вновь рукоплещем Борхесу за высказывание, что «ограничивать Его страдания агонией на кресте в течение одного вечера — кощунственно». И не будем в очередной раз обращать внимание читателя на переполненность этих доводов противоречиями между тем, что «было деянием предопределенным» и на упоминание о выборе судьбы в особенности среди «тех, что плетут сложную сеть истории», не говоря уже о том, что Спаситель «мог согрешить и погубить свою душу». Да и вообще, третья версия предательства Иуды одним может показаться притянутой за уши, а другим — рушащей границы дерзновения, — ведь он предполагает, ни много ни мало, двойное воплощение Слова: и в Иисуса, и в Иуду.

Уделим больше внимания тому, что в этих рассуждениях приемлемо для нас, и отыщем главное, что позволяет надеяться Иуду Искарота оправдать. Да, поступок Иуды требовал большого смирения, и смирению этому мы в тем большей степени должны отдать должное, памятуя «Сколько ты велик, столько смирайся» (Сир 3:18). Отдадим должное Борхесу и за то, что он дерзает предположить, что слова Исаии могут относиться к Иуде.

Однако все это, хоть и оправдывает Иуду сколько-то, не дает и малого намека ни на разгадку вопроса о необходимости опознания и тайны предательства, ни на саму суть предательства как существенную составляющую искупления. Иными словами, вопрос, для чего вообще было нужно предательство, остается без ответа. Ведь не для того же, чтобы продемонстрировать, хотя бы и Богу (а что Он, без демонстрации этого не знал?) Иудино смирение. Тогда уж было бы лучше смириться еще глубже — до отречения от отречения, или даже до отречения от отречения отречения.

Последний довод весьма хорош в том смысле, что должен указать нам на потребность искать заслуги Иуды совсем в другом направлении, хотя мы и отдали должное смирению Иуды.

